

Приключения одной жизни
или
Мой трудовой путь

Борис Ашуров

Божественного благословения. По израильским меркам прожита только часть одной жизни. Так что, есть ещё время наслаждаться этим прекрасным даром природы — ЖИЗНЬЮ и поднимать звенящие бокалы на торжествах и радостных событиях с прекрасным живительным израильским вином, произнеся замечательные тосты со словами לַחַיִּים (лехаим)!

P.S.

Когда уже было написано это воспоминание мне пришлось перенести сложную, но, к счастью, успешную операцию. И главное, моя внучка Ниночка родила мне прекрасного второго правнука Лидана.

И вновь я с оптимизмом смотрю в будущее.

Борис Ашуров

ветеран труда, отличник приборостроения СССР,
заслуженный работник народного образования.

Ашкелон. Израиль.

11.2011

Дорогому
Юрию
07.07.2012г.

Борис Ашуров

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ОДНОЙ
ЖИЗНИ

ИЛИ
МОЙ ТРУДОВОЙ ПУТЬ

ПАМЯТЬ МОИМ ПОТОМКАМ
ИЗРАИЛЬ
2011

Борис Ашуров

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ОДНОЙ
ЖИЗНИ

ИЛИ
МОЙ ТРУДОВОЙ ПУТЬ

*Столетию со дня рождения
моей любимой матери
Ашуровой Хавы Иосифовны,
ушедшей из жизни в далёкие
годы войны,
посвящается...*

Вместо предисловия.

*Обращение к моим детям, внукам и правнукам настоящим
и будущим.*

Неоднократно были попытки описания пути, пройденного мною в жизни. Однако, всё это откладывалось, когда приходила в голову мысль «кому это надо?». Но после убедительных доводов моей дочери Тамары, что это нужно моим детям, внукам и близким мне людям, я взялся за перо. Ведь она, классный врач, обладающий особой силой, а таким врачам я подчиняюсь беспрекословно.

Может быть, мои воспоминания не будут иметь логической последовательности, могут выглядеть, как некоторая исповедь, но это будет чистая правда одного из миллиардов живущих на этой планете, где будут изложены и описания отдельных эпизодов, и разные суждения (может быть и философские), и рекомендации.

И если мой любимый читатель найдёт в моих записках хотя бы частичку полезного, я буду считать, что цель моя достигнута. Я пройду путь длиною от подножия знаменитого Эльбруса, где началась моя жизнь, и до исторической Родины моих предков — Израиля, где я живу в настоящее время. Этот путь был пройден мною уже более, чем за восемьдесят лет. Итак, отправляемся в путь!

25.11.2010

Краткое генеалогическое древо моего рода.

«Версии» моего появления на свет

Мои предки в числе нескольких семей горских евреев с разрешения местных властей в 1825 году переселились из деревни Эндери южного Дагестана в посёлок Вольный Аул на правый берег одноимённой реки города Нальчика. (по данным, опубликованным профессором Р. Тугановым). Мой прадед Захарий, сорока четырёх лет от роду, с женой, пятью детьми в возрасте от пяти до пятнадцати лет и семидесятилетней матерью оказался в Кабардино-Балкарии немного позже (1846 год) и имел деревянный дом с лавкой, амбар стоимостью в триста шестьдесят рублей серебром, что считалось по тем временам хорошим состоянием. Занимался он торговлей шёлковыми и шерстяными изделиями, привозимыми из стран Ближнего Востока.

Мой дед Леви Захарович родился уже в Кабардино-Балкарии и был вторым сыном Захария (старший был Руин). Дед был женат на красавице Тейло из рода Амировых, которая подарила моему роду четырёх детей, но в живых остались только двое. Это мой отец Шанеиль (1906 г.р.) и тётя Ефет (1914 г.р.), которая живёт сейчас в США с сыном, дай ей Б-г сто двадцать лет жизни.

Вскоре, когда отцу было около десяти лет, умерла бабушка и дед Леви долгое время жил в горах Кабардино-Балкарии (селение Гунделен), где работал на пастбищах. В моей памяти он стройный высокий, с белоснежной бородой

или мой трудовой путь

(пятидесятые годы). Умер он в начале шестидесятых годов. Как и все, мои старшие предки строго соблюдали еврейскую религиозную традицию и все религиозные праздники. Отец мой всю свою жизнь прожил в Нальчике в дружбе с кабардинской семьёй из селения Псыгансу, которые считали его вторым своим сыном. Он выучился кожевному ремеслу и прекрасно обрабатывал кожсырьё, изготавливал высококачественный товар, который шёл «нарасхват». В возрасте двадцати одного года он женился на прекрасной и красивой девушке Хаве (1912 г.р.) из рода Ханукаевых, то есть, моей матери, которой тогда было шестнадцать лет. Она подарила ему пятерых детей (четырёх сыновей и доченьку). Отец был прекрасным импровизатором, на ходу сочиняя и исполняя песни на любую тематику. Прекрасно говоря на кабардинском, он исполнял песни и на этом языке, приводя в небывалый восторг своих кабардинских друзей.

Умер отец 9 января 1978 года.

По материнской линии прадед Хако, дед Иосиф были родом из Дербента. Старшее звено моих предков всю свою жизнь мечтали попасть в священный «Ершолоим» (тогда среди горских евреев не было понятий Иерусалим, Израиль) и по неподтверждённым мною данным, из рассказов деда Иосифа, он достиг этой заветной цели. В самом начале двадцатого века он смог добраться до Ершолоима, умер и похоронен на священной земле.

В семьях с такими родословными данными и появился я — в начале тридцатых годов прошлого столетия (13 марта 1931 года). Говорят, что лежал белый-белый снег и мой дядя Семён (брат матери) принёс эту весть в семью моего отца на чёрном вороном коне. Говорят, что праздновали моё появление на свет несколько суток, конечно, забыв провести самого виновника торжества. Конечно, было и

множество гостей и из кабардинских сёл, с кем, как братья, жили мои родители.

Да! Так говорили все. Я подтвердить ничего не могу: видимо, упорно искал сосок груди родившей меня мамочки, начиная свою первую трудовую деятельность. Ведь мне самому предстояло зарабатывать материнское молоко на жизнь, чтобы увидеть прелести родного края (горы, заселённые людьми с незапамятных времён, двуглавый великан Эльбрус, плодородные земли и леса и т.д.) и, конечно, определённые жизненные трудности, без которых часто не обходится становление жизни. Всё это будет изложено, я думаю, в моих воспоминаниях.

26.11.2010

Моя мать Хавой, отец Шанеиль, тётя Ефет.
1928 год

Слева направо: родственница Гилазор, мать Хавой, между ними - я, стоит тётя Ефет. 1931Год.

Отец Шанеиль. 1938 год.

Отец Шанеиль, мать Хавой

Бабушка по матери Нуа с Арус, Ливко. Стоит брат Вася с моей дочерью Светой.

Детство, юность

Рос мальчуган, который не отличался от тысяч других босоногих, почти голожопых «хулиганчиков», но чуть-чуть более других избалованный вниманием родителей и их друзей. Ведь он был первенцем. Он получал «громадные» призы в виде конфет и других лакомств, которые появлялись неизвестно откуда, по его мнению, когда он рассказывал хохочущим до слёз гостям подробности о том, что и где хранится в доме (где находится зерно, где лежат деньги, вино и т.д.). Он мог до потери сознания валяться на полу, если его заставляли кушать хлеб с маслом и, особенно, сверху намазанный мёдом.

Были попытки любящих родителей приобщить его к «цивилизованному» обществу: они отвели его в детский сад, который считался тогда одним из престижных учреждений для простого люда (предпочтение имели дети молодых коммунистов, колхозников и особых служащих). Но эта попытка завершилась полным крахом. Мальчик, помню как сейчас, одетый в белую водолазку, шортики, красиво причёсанный, послал всех служащих этого учреждения туда, куда он мог это сделать в свои пять лет, и с воем, как недорезанный баран, помчался прочь. Попыток больше не было. Первая «победа» была одержана.

Конечно, вы догадались, кто это был. Других, особо выделяющихся случаев детства, нет.

Вскоре началась учебная деятельность в первом классе, можно сказать, еврейской школы номер 10 города Нальчика.

Организатором создания и первым директором этой школы был замечательный человек и педагог Гилядов Комуил Исакович, который стал и первым орденосцем среди учителей республики — получил Орден Ленина перед Великой Отечественной Войной.

Я учился, старался, осваивал азы «науки», но война и немецкая оккупация города на определённое время прервала учёбу. Мне уже было немного больше одиннадцати лет и я начал учебный год в четвёртом классе.

Оккупация

Этот период был одним из самых труднейших в моей ещё мальчишеской жизни и жизни моего народа (горских евреев). Поэтому я постараюсь более подробно вспомнить всё пережитое моей семьёй и семьями других моих соотечественников. Я постараюсь рассказать вам о предательстве тех соседей, с которыми жили рядом и верили им десятки лет и мои родители, и я.

Для нас, нальчан война началась воскресным утром в октябре 1942 года (немецко-фашистские оккупанты находились на территории Кабардино-Балкарии с 12 августа по 11 января 1943 года). Двадцать пятого октября 1942 года на город посыпалось несчётное количество авиационных бомб. Вначале эти взрывы были слышны на окраине города (район «Химкомбината»), а затем и по всему городу. К вечеру были уничтожены многие объекты промышленности, жилых домов и появились первые человеческие потери.

Я с другими детьми под руководством дедушки находился на разборке турлучного домика, который был приобретен для использования на дрова. Во время бегства с объекта я увидел первого убитого человека в моей детской жизни. Его звали Товуши и лежал труп этого человека вдоль наружной стены

10-й школы, где я начал свою учёбу несколько лет назад.

С раннего утра началась оккупация моего города.

Страшно вспоминать события этих дней, но я сделаю это

с содроганием сердца. Всё увиденное мною я оставляю, как память, для тех, которые будут это читать. Этого забывать, я считаю, никогда и никому нельзя.

В городе Нальчике и селениях жили европейские евреи, которые бежали из Крыма, Белоруссии, стран Прибалтики, уже оккупированных немецко-фашистскими войсками. В первые же дни они были уничтожены только потому, что родились евреями. Германия осуществляла программу чистки (уничтожения евреев, цыган). В Нальчике уничтожение евреев осуществлялось на ипподроме и, иногда, на стадионе. Привозили в «чёрных воронах» (чёрные крытые грузовики), выводили из машин и методично расстреливали. Трупы жертв сбрасывали в шести километрах от города в так называемые «трассы». В отношении горских евреев оккупанты сомневались и стали выяснять их происхождение. Кабардинцы и балкарцы доказывали, что это «горский народ», что и по мусульманской религии обряд обрезания делается всеми мусульманами, а не только евреями.

Большую работу в этой части провели, рискуя жизнью, равин Нахамиль Амиров, Макар Шабаев и некоторые другие, которые в совершенстве владели кабардинским языком. Они фактически оттянули на некоторое время дату расстрела горских евреев, этим сохранив им жизнь.

Несмотря на все эти старания, были уничтожены несколько семей и горских евреев — по доносу соседей-предателей, были расстреляны, как коммунисты или сочувствующие им.

После освобождения города Нальчика я принимал участие в перезахоронении более шестисот трупов. Перевозили мы их после раскопки на телегах. Сейчас они покоятся в братской могиле на территории городского парка вместе с погибшими воинами.

Нельзя не вспомнить заживо брошенных в колодец и уничтоженных горских евреев в посёлке Богдановка Ставропольского района. Их бросали в колодец семьями и засыпали землёй. Раздавались крики ужаса, но вскоре всё прекращалось. Их было девяноста человек, среди которых были и родители нашей снохи (брата моей матери). Пусть будет вечная память всем тем, которых я вспомнил с волнением и содроганием сердца.

А как же сложилась моя судьба, жизнь, мои полудетские похождения, жизнь и бытие моих любимых родителей в этот период? Впервые я увидел немецкие механизированные колонны, движущиеся «победным маршем» по улице Осетинской, которая выводила на мост по направлению к городу Грозному. Фашистские стервятники стремились к истокам нефти на Кавказе.

На центральной улице еврейской колонки (так называлось место компактного проживания горских евреев) немцы создали своё логово — немецкую комендатуру. Я и мои сверстники постоянно «крутились» там, так как напротив жили мои дедушка и бабушка. Здесь и начались мои первые приключения. Очень часто нас «хватали» и заставляли чистить туалеты, территории комендатуры и тому подобное. В городе начались повальные облавы, грабили население с помощью своих пособников из местного населения. Особенно свирепствовали румыны. Брали всё, что нужно и не нужно. Ненужное отдавали своим пособникам. «Элегантные» немецкие офицеры в грабежах почти не принимали участие и вели себя как освободители. Добрался и до моей семьи. Очень быстро исчезло всё, что было нажито годами. Многие вещи «перекочевали» в дома соседей-предателей. Когда уже почти ничего не осталось, румынский солдат забирает маленькое зеркало, которое висело на стене. Но моя мама преграждает ему путь с

криком: «не отдам — это память моей матери», и получает удары прикладом автомата по голове. Мать падает на пол с головными кровоподтёками. Больная, полуживая она некоторое время обслуживает семью и, не выдержав всего этого, заболевает и через пять месяцев умирает (29 мая 1943 года). Остались пятеро полусирот — старшему двенадцать лет, а младшей сестрёнке восемь месяцев. Дома старики и больной, отправленный домой из Сталинграда, отец. Всё, что было с нами, описать очень трудно, но остановлюсь на некоторых моментах моей жизни в тот период.

В городе появляются странные мужики, похожие на бомжей, многие на костылях и просят подаяния у населения, чаще возле немецкой комендатуры. Однажды они попросили нас собраться в подвалах разбитой обувной фабрики. Это были места наших сборищ и игр. Наша «братва» получает различные задания, на наш взгляд, весьма простые и ненужные. Мне было поручено считать и запоминать количество офицеров, звания прибывающих ежедневно в штаб и время их отбытия. Другим мальчуганам поручено следить за количеством прибывающих и отбывающих машин и, особенно, проследить, с каким грузом и так далее. Добытые сведения мы добросовестно, до мельчайших подробностей, передавали этим «инвалидам» и «бродягам» при следующих встречах.

Позже мы, конечно, поняли, что они были разведчики партизанских подразделений и регулярных частей Красной Армии, которые располагались в близлежащих лесах, вели бои за рекой Терек на подступах города Беслана.

Но однажды, меня хватают в утренние часы на углу улиц Рабочей и Горшечной и бросают в крытую машину «чёрный ворон». Машина набита полностью людьми еврейской и других национальностей. Сообщают, что отвезут в селение Хасанья (окраина Нальчика) на переборку картофеля и

вечером, соответственно, с «картофельными» подарками привезут. Что было дальше, я не буду описывать, а приведу выписку из статьи, которую написал в газете «Евреи Северного Кавказа» мой внук Юра под впечатлением моих рассказов в разные годы. Это было в 1994 году, когда Юра учился в пятом классе. Статья называлась «Об этом забывать нельзя». Привожу статью, не меняя его содержания и стиля изложения, опуская отдельные эпизоды.

«С первых же дней фашисты установили в городе свои порядки. По городу были развешены приказы фашистского коменданта, каждый из которого заканчивался «за невыполнение — расстрел». Но и на войне дети остаются детьми. Боря со своими друзьями играл на улице. Неожиданно перед ними остановился грузовик, из которого вышли два румына и один немец. Они затолкнули пацанов в кузов машины, который уже был набит случайными прохожими. Один из румын сказал, что их повезут убирать картошку. Мальчики сидели молча, ни живы, ни мертвы. Боря оказался у борта машины. Он не понимал, что происходит и смотрел через борт, надеясь увидеть кого-нибудь из знакомых. Грузовик заурчал и, подпрыгивая на ухабах, поехал по улице Рабочей. Повернув на Горшечную, он неожиданно остановился. Кто-то шепнул Боре на ухо: «Беги, сынок!». Сильная рука неизвестного выкинула его за борт машины. Было очень страшно, но Боря побежал. Он юркнул в открытую калитку и, обернувшись, увидел страшное, со злобным оскалом лицо бегущего за ним солдата. Стало ещё страшней, ноги стали ватными и отказывались двигаться. Топот солдатских сапог набатом гудел в ушах. Сделав отчаянный вираж и выскользнув из рук озверевшего от злости фашиста, Боря пулей перелетел через забор. Садами и огородами, которые он хорошо знал по мальчишечьим набегам, добрался до дома своей

бабушки. Забившись под кровать, где горой был сложен только что выкопанный картофель, он просидел там два часа, незамеченный даже родными. Вечером он услышал крики и плач. Оказалось, что всех, находившихся в машине, расстреляли во рву».

Ничего к этому рассказу моего внука, которому было тогда двенадцать лет, как и мне в те времена, добавить не могу. Так сработал у меня инстинкт самосохранения. Какая-то неведомая сила, наверное, Божественная, подарила мне вторично жизнь. Так я думаю сейчас, несмотря на то, что с первых дней своей сознательной жизни получал атеистическое воспитание в школе. Длительное время мои близкие считали этот день моим вторым днём рождения.

Время шло и приближался день нашего освобождения. Это случилось четвёртого и пятого января 1943 года, когда на улицах города появились первые партизанские отряды, а затем и регулярные воинские части тридцать седьмой армии. В двухстах метрах от нас, в районе шестой школы ещё шли бои, а мы уже обнимали и целовали вошедших в город наших солдат. Немцы перебрасывались в спешном порядке на Сталинградский фронт, где уже началось наступление советских войск. Они даже не успели уничтожить некоторые свои архивные документы. В здании комендатуры были обнаружены документы об уничтожении всех горских евреев восьмого и девятого января 1943 года. Эти документы обнаружил при разборке немецких архивов капитан Добрачан Ашуров (наш горский еврей), который командовал одним из подразделений регулярных войск. Он зачитал некоторые документы о том, что все евреи должны быть уничтожены. Там были и такие выражения, в переводе с немецкого означающие следующее: «Белая собака или чёрная собака, всё равно — собака». Они просто не успели выполнить свою кровавую миссию. Наш немногочисленный

народ волею судьбы остался в живых. На этом я заканчиваю воспоминания периода оккупации.

Начались тяжёлые послеоккупационные будни для жителей города, в том числе для проживающих там «детей войны».

Стоит отец Шанеиль. Верхний ряд слева направо: мать Хавой, на руках младший брат Ёсик, я — Боря, дед Ливи Ашуров (глава рода), Хайка — старшая дочь тёти Ефет, тётя Ефет, на руках — её младшая дочь Света. Перед дедом — братья Вася, Миша, Шифра, вторая дочь тёти Ефет. Снимок сделан перед нашим домом с отметками пробоин бомбовых осколков.

Школьные годы.

Возобновились прерванные в период оккупации занятия. Первое время мы занимались в здании бывшей немецкой комендатуры на Рабочей улице, а затем перешли в свою, частично восстановленную, десятую школу. В нашем четвёртом классе были все «шатающиеся» и «болтающиеся» дети от двенадцати до пятнадцати лет. Какой это был класс представить трудно. Была полная «демократия» и каждый делал то, что хотела его душа. Учителя были просто бессильны. Нас решили подкармливать и мы во время перерыва начали получать выделяемое нам дневное питание (кусочки кукурузных лепёшек) весом приблизительно от пятидесяти до ста граммов. По предложению одного из великовозрастных «авторитетов» класса распределение наших пайков осуществлялось по принципу «на хапок», то есть кто что возьмёт после нападения на поднос, который заносил дежурный. В пятом классе к нам для изучения немецкого языка направили преподавателя, который продержался почти полгода в сплошных муках. Для нас это был «фашистский» язык и изучать его, конечно, мы не хотели. Выдерживать наши удары летающими в его сторону чернильницами не было никакой возможности. Преподаватель ушёл «по собственному желанию». Мы учились и жили своей жизнью, собираясь в подвалах разрушенной обувной фабрики и, дополнительно, бани на берегу речки. Более того, в бане мы обнаружили два ящика снарядов и один ящик боевых пистолетов в полном

комплекте снаряжения. Трудно сейчас представить, какой это был «кайф», когда разбирали снаряды, вытаскивали порох, похожий на палочки вермишели, и запускали фейерверки по ночам (запихивали порох в гильзы патронов, привязав их к палкам, затем и поджигали). Но приблизительно с шестого класса поумнели, когда одному из «братвы» оторвало кисть руки и некоторых пацанов забрали милиционеры.

Таковыми сделала нас война, оккупация, наша весьма непростая жизнь того периода. Однако, учились мы уже хорошо. Седьмые и восьмые классы я закончил на «хорошо» и «отлично», несмотря на наши «походы» по фруктовым садам близлежащего окружения, с добросовестным уничтожением добытых «трофеев» в уже упомянутых подвалах.

Наступил 1945 год. Каждый день в школе, дома, при случайных встречах на улице говорили о победоносном продвижении наших войск, о скорой победе над фашизмом, об освобождённых городах и сёлах, а также всегда вспоминали зверства немецких оккупантов на нашей земле, в моём городе. И, наконец, радио передаёт сообщение о полном разгроме фашистской Германии, о Победе Советских войск. Это было девятого мая 1945 года. День Победы — это было что-то невероятное, особенно для нас, которые видели этих зверей у себя в городе. Через очень короткое время, когда стало известно, что дядя мой не вернётся никогда, а отцы и братья моих родных погибли на полях сражений, у всех не просыхали слёзы на глазах. Оплакивали не вернувшихся домой долго, но живым надо было жить, восстанавливать хозяйство, налаживать работу, растить детей. Процесс обучения в школе наладился и мы стали более серьёзными.

В 1948 году произошли значительные по тем временам

события в моей жизни. Правительство республики выделяет средства для экскурсионной поездки в Москву на время каникул группы учеников. Норматив — один ученик из каждой школы города. Это было значимое мероприятие в первые послевоенные годы. В Нальчике было двенадцать школ, а это значило, что могли поехать на эту экскурсию двенадцать человек. Начался отбор кандидатуры и в нашей школе. Как мне рассказали позже, в нашей школе рассматривались две кандидатуры (ученики об этом ничего не знали). Это были Саша Белов (девятый класс) и я (восьмой класс). Споры шли на «высочайшем» уровне. Сейчас я сравнил бы всё это с дискуссиями при рассмотрении самых спорных вопросов в Российской Думе или в Кнессете Израиля, но без «мордобоя». Победили на педсовете мои сторонники. И вот, семнадцатилетний юноша из провинциального города едет знакомиться со столицей своей Родины — Москвой. Это была моя первая серьёзная поездка за пределы своего города. Восторг неопишуемый! Пятнадцать дней пребывания в Москве остались в памяти на всю жизнь. Всё увиденное восхищало и удивляло. Сейчас всё это делается в порядке вещей: любой ученик любого класса свободно может поехать, посмотреть, пожить в любом городе мира и приехать назад в свой город. Но мои годы — это были первые послевоенные годы, когда и дети и взрослые делали всё, что могли, чтобы заработать хотя бы на кусок хлеба.

Прошёл ещё год и приближался конец обучения в школе. Десятый класс был выпускной и надо было серьёзно готовиться к выпускным экзаменам.

Одна тысяча девятьсот пятидесятый год. Десятый класс заканчивает четырнадцать человек. Наступает первый для меня выпускной вечер в школе. Каждому из учителей дарим огромные букеты из роз, добытые из прекрасных

садовых участков так называемой «немецкой колонки» (окраина Нальчика, где до высылки проживали «русские» немцы) с помощью наших «разведчиц» Вали Цириховой и Эммы Якоб, которые проживали в этом районе. Лучшие букеты — любимым учителям Анне Абрамовне Шепиловой, Якову Романовичу Шубаеву, Нине Васильевне Логиновой (классный руководитель) и другим. Весь вечер танцы, песни, скромный фуршет, гулянья в парке до рассвета. Такова была традиция всех выпускников школ города. А утром — расставания, с некоторыми на всю жизнь... С трудом верилось, что школьная жизнь уже позади. Остались в прошлом очень сложное детство, первые годы юности. Впереди уже другая, ещё не ведомая мне жизнь. Эта часть моей жизни начинается со студенческих лет в 1950 году.

Студенческие годы.

Вступительные экзамены в ВУЗ

Перед каждым из окончивших школу стоял вопрос: «Кем быть?». Продолжать ли учёбу, или начинать свою трудовую деятельность на производстве. Ведь времена были трудные, послевоенные. У меня множество рекомендаций родителей, родственников, друзей. Всё-таки, мой выбор — поступать в институт. В какой институт? Я отбросил даже такие заманчивые предложения, как учёба на повара или мясника, где я должен был жить, как у «Бога за пазухой», всегда богатым и сытным.

Листаю и изучаю справочники для поступающих в высшие учебные заведения, которых тогда можно было найти только в библиотеках города с огромным трудом. Мой выбор — ГИМО (Государственный Институт Международных Отношений). Быть дипломатом, видеть страны мира, о которых я знал только по картам на уроках географии — мечта любого юноши моего времени. Тешиться этой мыслью пришлось недолго. Вполне «знающие» всё и «авторитетные» люди, которым я привык верить, убедили меня, что для такого, как я, еврейского парня, туда путь закрыт. Если бы я сдал вступительные экзамены на круглые пятёрки, имел бы десятки рекомендаций, пути поступления в данный ВУЗ для меня не было. Мешала пресловутая пятая статья. В те годы для еврейских ребят двери были закрыты (открыто об этом не говорили). Тогда мы, три друга, окончившие десятый

♦ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ
ИЛИ МОЙ ТРУДОВОЙ ПУТЬ

класс, вспомнили, что в Саратовском автомобильно-дорожном институте учится наш товарищ, Михайлов Захар, который поступил в институт годом раньше. Все трое — я, Ифраимов Илюша, Шаулов Николай, без дальнейших раздумий и колебаний садимся на поезд и едем в город Саратов через Кизляр, Астрахань. В пути почти трое суток и мы в вестибюле института. Приводим себя в порядок, то есть, достаём из вещмешков, на которых мы спали трое суток в вагонах, очень «красиво» помятые рубашки в комплекте с аналогичными шароварами, причёсываем волосы и направляемся в приёмную комиссию. Секретарь приёмной комиссии смотрит на нас особым взглядом, почти потеряв дар речи. Но мы оказались очень «умными» ребятами и поняли, и поняли, на кого мы были похожи в наших «праздничных» нарядах. Однако, документы у нас приняли и заселили в общежитие для абитуриентов (фойе актового зала), где было семьдесят коек. Началась наша подготовка к вступительным экзаменам. Предстояло сдавать пять экзаменов по составленному расписанию в период с первого по двадцать пятое августа. Предстояло начинать с математики. Не скрою, все мы считались в школе хорошими учениками в области математики. В школе этот предмет нам преподавал лучший математик школ республики Яков Романович Шубаев. Через несколько дней после сдачи математики мы узнали, что все трое получили оценки «отлично». Воодушевлённые первым успехом, кто-то из наших ребят предложил досрочную сдачу второго экзамена с параллельно идущей группой. К нашему большому удивлению нам разрешили. Всё прошло на хорошем уровне. Нам это понравилось и мы, опьянённые успехом, «поехали» дальше и закончили все вступительные экзамены 12 августа. До конца вступительных экзаменов по графику и, тем более, до начала учебного года в институте оставалась

уйма времени. Возникает «гениальная» мысль сесть на самолёт (впервые) и отправиться в Нальчик. Задумано и сделано. В Саратовском аэропорту садимся на маленький восемнадцати местный самолёт и с шумом и грохотом моторов отрываемся от земли. Ощущение такое, что мы находимся где-то в неведомом нам пространстве, оставляя внизу облака, над которыми мы летели впервые в жизни. Чувствуем колебания самолёта из стороны в сторону, какие-то тряски. Но как бы то ни было, к концу дня мы были дома. Вместо бурных встреч посыпались всякие вопросы со стороны наших близких, друзей — почему мы в Нальчике, а не в Саратове? Точку всем сомнениям и вопросам ставит Яков Романович, завуч нашей школы, когда мы «сунулись» в его кабинет: «Вы опозорили школу, завалили экзамены, идите «собак гонять!». Это было его любимое выражение, когда он был очень зол. И мы пошли «собак гонять», но на очень короткое время. Двадцать восьмого августа все трое получаем телеграммы с уведомлением о зачислении в институт и с приглашением на занятия к первому сентября 1950 года. Получив порцию похвалы от родителей и, конечно, от Якова Романовича, что мы были лучшими учениками школы, что он об этом всегда знал, уезжаем на учёбу. Второго сентября началась моя студенческая жизнь, которая, как мне кажется, была весьма интересной и, порою, сложной.

Первые годы обучения.

САДИ (Саратовский автомобильно-дорожный институт имени В.М. Молотова) становится моим вторым домом на последующие пять лет. Институт поражает меня своими размерами. Прекрасные корпуса с секционными ответвлениями. Размеры каждой секции в несколько раз больше всей площади школы, в которой я обучался. В институте прекрасный актовый зал на одну тысячу двести мест и фойе на четыреста мест. Таких ВУЗов было в Советском Союзе три: Московский, Харьковский и наш. Я учился на автомобильном факультете. В институте были и другие факультеты — дорожный, механический, строительный. В конце шестидесятых годов наш институт был преобразован в политехнический.

Напротив института — шестиэтажное общежитие, где я начал жить в девяти местной комнате. Правда, на втором курсе мы получили комнату на четыре человека с прекрасной по тем временам мебелью.

Начались учебные занятия. Я довольно таки быстро освоился с новой для меня системой обучения (сочетание лекционного обучения с практическими и семинарскими занятиями). Период адаптации прошёл быстро и вскоре мы были «своими» и в институте, и общежитии. В нашей компании были прекрасные музыканты — Лёша Степанов (гитарист), Иван Черняев (саксофон) и другие. Наша комната постепенно превращалась в своеобразный музыкальный уголок для многих студентов. Скажу,

что с этих лет и до настоящего времени я очень люблю слушать прекрасные звуки этого инструмента, хотя сам никогда на саксофоне не играл. Впервые в жизни мы стали посещать прекрасный Саратовский театр оперы и балета, то есть, приобщались к культурной жизни. В актовом зале института часто проходили встречи и концерты известных композиторов и певцов. Некоторые из этих встреч запомнились мне до сегодняшних дней. Это прекрасные песни и романсы Александра Вертинского и чудеса Вольфа Мессинга. Было и многое другое, заслуживающее внимание, в те годы это было для меня что-то особое.

Первый учебный семестр окончил без троек и по итогам экзаменов был назначен на стипендию (сорок рублей в месяц). Это было здорово, но для нормальной жизни молодого человека недостаточно. В дальнейшем, для улучшения жизненных условий мы подрабатывали, в основном на разгрузках барж. В порту на реке Волга у нас всегда дежурил свой бригадир, который заключил договора по мере прибытия грузовых барж и оповещал нас. Наша бригада состояла из двадцати пяти — тридцати человек. По первому сигналу мы выезжали в порт. За одну разгрузку мы получали столько, сколько составляла месячная стипендия каждого. Иногда мы попадались в нелепые ситуации. Так, однажды, мы всю ночь работали на элеваторе. Приходилось таскать семидесяти килограммовые мешки, загружать бункеры в пыли и так далее. Утром за наши труды нам предложили вместо денег... отруби. Невозможно описать наше удивление и возмущение, но отруби мы «подарили» комбинату и ушли туда, откуда пришли, конечно, без денег. Так прошёл год, другой. И вот наступил 1953 год. События этого года трудно забыть, особенно месяц март. Умер «отец всех народов прогрессивного мира» - великий вождь товарищ Сталин И.В.

Прощание со Сталиным

Пятого марта 1953 года прозвучало по радио сообщение о смерти великого для всех людей Советского Союза вождя. Плакала вся страна, плакали мы и наше окружение. Занятия в институте прекратились. Был объявлен всесоюзный траур. Ведь я, как и многомиллионный народ социалистического лагеря «молились» его имени, как Богу, и думали, что без Сталина жизни практически не будет. Такое нам внушали вместе с молоком матери. Такое выпало время на мою долю. Могли ли мы допустить, что он будет похоронен без нашего участия?! Конечно, нет. Четверо друзей — я, Ифраимов Илюша, Шаулов Николай, Виктор Гутынин срочно собрались в Москву, конечно, без особого приглашения членами политбюро СССР. Сложили наши «заначки» со стипендией и, убедившись, что этого недостаточно, заняли ещё двести рублей у нашего профессора математики. И на поезде отправились в Москву. Это была значительная сумма по тем временам. Для сравнения — билет до Москвы стоил тринадцать рублей. У Виктора Гутынина в Москве в текстильном институте училась сестра, которая должна была по предварительной договорённости устроить нас в общежитие.

Седьмое марта с раннего утра, мы были на улице Горького, в хвосте плотной толпы, которая двигалась к Колонному залу дома Союзов, где был установлен на высоком постаменте гроб с телом вождя. Люди двигались по тротуару между стенами высоких зданий и автомашинами ЗИЛ,

кузова которых были заполнены солдатами с автоматами в руках. По мере продвижения и приближения к театральной площади колонна движущихся людей уплотнялась так, что дышать становилось невозможно. Эта сплошная масса людей, как снежный ком, не имела никаких возможностей поворотов, кроме движения вперёд. За сто пятьдесят — двести метров до выхода на Пушкинскую улицу всех, кто падал, поднять не удавалось. Их просто затапывал людской поток. Этих людей, чтобы спасти, по возможности, ногами заталкивали под стоящие автомобили. Ни помочь, ни даже увидеть, как умирали эти несчастные люди, было никакой возможности. Последние жертвы Сталина... Главное было увидеть тело вождя и попрощаться с ним. Те, которым удалось выйти из этого ада, уже двигались в один ряд по улице Пушкина к Колонному залу.

Наконец, я вошёл в Колонный зал, где был установлен гроб. Вокруг почётный караул — Молотов В.М., Берия Л., Ворошилов К.Е. И другие члены политбюро, маршалы, главы некоторых демократических государств.

Не останавливаясь, пройдя круг за несколько минут, я вышел из здания и весь поток направился в обратную сторону улицы. Похороны намечались на другой день. Все четверо друзей потеряли друг друга. Кто застрял в метро, кто на улицах Москвы, и только Виктор добрался до общежития.

После всего увиденного и пережитого за день, мы не смогли, да и не хотели принимать участия в дальнейших процедурах сопровождения лафета с телом вождя к месту захоронения (Красная площадь), а ограничились просмотром дальнейших событий на экране телевизора в общежитии текстильного института. Мы сидели за столом, пили какую-то дрянь в виде водки и со слезами на глазах наблюдали на экране телевизора «Рекорд» весь

процесс. На следующий день мы выехали из Москвы с невероятным чувством опустошённости и усталости. Завершился наш период прощания с уже бывшим вождём всего социалистического лагеря, возглавлявшим страну, победившую фашизм и, замечу сегодня, с человеком, который одним из первых высказался за создание государства Израиль. Всё, что было сказано после его смерти: осуждения его кровавых злодеяний и других его порочащих дел, игры «политических проститутток», которые при жизни лицемерили ему, восхваляя каждый его шаг, — пусть останется на совести историков. Во время моей молодости он был личностью. Таким я его вспоминаю сейчас, спустя почти шестьдесят лет.

*Завершение обучения
по линии военной кафедры.*

Занятия продолжались своим чередом по существующей схеме в сочетании с различного вида практик и каникул. Каникулы я проводил в основном в Нальчике, но два раза нас направили на военные сборы по линии кафедры. Первый раз общевойсковые сборы после третьего курса проводились в Саратовской области, в Татищевских лагерях. Эти лагеря функционировали с дореволюционных времён. Общевоинсковая подготовка включала в себя многодневные походы по степным просторам при сорокаградусной жаре и в дождливую погоду. Часто мы возвращались в часть со солью на гимнастёрке. Занимались строевой подготовкой на асфальтовом плацу и, конечно, завершилось всё стрельбой из стрелкового оружия и зачётом.

Вторая практика была завершающей и проводилась после окончания четвёртого курса. Эта практика предусматривала подготовку по будущей воинской специализации «эксплуатация автотранспорта в военных условиях». Проходил при воинских частях в городе Ульяновске. Обучение на военной кафедре было завершено и после сдачи всех нормативных экзаменов нам присвоили офицерское звание младшего лейтенанта.

*Завершающий этап обучения
в институте*

На старших курсах (четвёртый и пятый курсы) мы «ходили» в лидерах. Сколотилась неплохая компания из «лиц кавказской национальности», которые учились в разных ВУЗах Саратова. Мы довольно часто встречались на вечерах отдыха, обсуждали дальнейшие планы нашей жизни, вспоминали Нальчик. В этот период у меня были некоторые семейные сложности, связанные с «делом отца». В Нальчике более года шло следствие по делу хищения продукции предприятия работниками мясокомбината. Отец в тот период работал заготовителем и крупный рогатый скот сдавал на мясокомбинат. Таких заготовителей было несколько человек и люди «сверху», конечно, искали «стрелочников», на которых можно было бы «повесить» дело. Одним из таких «стрелочников» оказался и мой отец. Мне приходилось ездить туда-сюда, пока не закончилось следствие по этому делу. Наконец, в актовом зале мясокомбината московская коллегия судей начинает судебный процесс. Я не мог, да и не имел никакого морального права не присутствовать в зале суда. Это было бы сверх моих сил. Суд длился долго. Приговор — из восемнадцати подсудимых двое руководителей комбината получают высшую меру наказания и только два человека были оправданы. Остальные были осуждены на разные сроки заключения. В числе оправданных с правом реабилитации был и мой отец. Но пребывание под

следствием более года сильно сказалось на его здоровье и на состоянии его семьи. С огромным трудом в семье налаживается жизнь и я уезжаю в институт.

В таких непростых условиях я и начал свой завершающий этап обучения. Были сданы все выпускные экзамены и я приступил к выполнению дипломного задания.

Тема дипломного проекта «Автобаза по обслуживанию промышленного строительства в городе Пятигорске». Преддипломную практику проходил в городе Кисловодске. Кисловодск я знал очень хорошо и любил этот город с его прекрасным парком, где терренкуры и все дорожки выводили на возвышенную площадку с видом на прекрасный Эльбрус. Мой руководитель дипломного проекта, доцент Клочков Н.И., всегда восхищался прелестями этого курортного городка. Да и я более двух месяцев находился рядом с Нальчиком, где жили все мои близкие и друзья. Работа над дипломным проектом была завершена своевременно. Я получил прекрасные отзывы от руководителей практики производства и института и был допущен к защите после предварительной беседы.

Наступил день защиты дипломного проекта, которая прошла успешно. Оценкой «хорошо» я был доволен. Подошли к распределению на работу. В те времена три года я обязан был работать только по распределению. Распределение молодых специалистов на работу осуществлялось комиссией во главе с ректором института с учётом среднего бала за весь период обучения. Все выпускники курса заранее изучали места распределения молодых специалистов на работу и, конечно, каждый старался выбрать себе город, куда хотел бы поехать. Направления были и в столичные города и в города Сибири, а также Союзных республик. Из ста одного человека до распределения дошли девяносто два выпускника. Мне

достаётся направление в город Жигули (на реке Волга) — главный инженер грузового автопарка. Мои друзья направляются в Карело — Финскую республику и в Туркмению (Ургенч). В дальнейшем некоторые из моих коллег будут занимать очень высокие посты. Вспоминаю некоторых из них: Акулинушкин Коля — замминистра автомобильного транспорта РСФСР (Российской Федерации), Гуревич Вова — начальник автотранспортного управления республики Казахстан, Виктор Каднов управлял автотранспортом Урала. Моя судьба сложилась более прозаично. Закончил трудовую деятельность в колледже заместителем директора (г. Нальчик).

Годом раньше моя тётя Оля (жена дяди Семёна) познакомила меня со своей племянницей Кларой Ифраимовой, которая училась в Московском библиотечном институте. Мы быстро нашли общий язык и поддерживали связь между собой весь год. В 1955 году она закончила институт и получила направление на работу в г. Нальчик, по месту жительства. Мой отец был болен и настаивал на том, чтобы я работал в Нальчике, имея в виду и мою предстоящую женитьбу. Всё это привело к тому, что Кабардино — Балкарский автотрест (управляющий Эльбердов Х.Х.) добился через Москву замены места моего распределения на Нальчик. Я был направлен в объединённое автохозяйство (автобусы, маршрутные и грузовые такси) на должность механика смены.

В июне месяце я женился и началась моя трудовая и семейная жизнь в городе, в котором я родился, вырос и учился.

Первые годы работы в автохозяйстве.

Итак, 1955 год. Я — сменный механик автохозяйства. По выражению управляющего автотрестом: «Надо начинать с низов». Я и начинаю. Ниже, для человека, имевшего на руках направление на должность главного инженера, некуда. За бессонные ночи дежурства получаю оклад в семьдесят два рубля. Весьма «престижная» зарплата для молодой семьи.

С первых же дней работы я сталкиваюсь с непонятными мне действиями ремонтных бригад. К утреннему графику выхода машин бригада получает нужное количество комплектов запчастей для ремонта и технического обслуживания подвижного состава. Неоднократно замечаю, что запчасти израсходованы, а определённая часть автобусного парка стоит в гараже. Утренний график выхода транспорта сорван. Мне подсовывают наряды на списание запчастей. Отбросив эти наряды в сторону, я вникаю в сущность этого казуса. Оказывается, что запчасти расходуются первоначально таксистам за «левые» деньги, на ремонт чужого транспорта, проходящего по основной междугородной трассе мимо гаража. Начались первые крупные скандалы и «подсиживания». Несмотря на любые шантажи, я сам получаю запчасти, организую свой уголок для хранения и выдаю бригадиру слесарей только после личного осмотра транспорта, подлежащего обслуживанию и ремонту. В таком ключе идёт моя работа в этой должности, пока не перевели меня на должность старшего механика

(восемь месяцев). Проходит почти столько же времени. Поговаривают, что предстоит перемещение на ступеньку выше. Живу с Кларой в одной маленькой комнатке (десять-двенадцать квадратных метров), в родительском доме и наслаждаюсь «прелестями» такой жизни.

Совершенно неожиданно через близких людей получаю предложение о переходе на преподавательскую работу в технологический техникум (затем, политехнический). Без особых колебаний даю согласие и 15 августа 1956 года становлюсь преподавателем спецдисциплин сопротивление материалов, теоретическая механика, детали машин. В этом учебном заведении и пройдёт вся моя последующая трудовая деятельность, вплоть до отъезда в государство Израиль.

Начальный период работы в техникуме

Начал работу на том участке, о котором никогда не мечтал. Я почему-то со школьных лет мог быть кем угодно, но не преподавателем. Жизнь, оказывается, действительно не предсказуема. Сложно представить себе куда тебя занесёт судьба в конечном счёте... Меня судьба занесла на тропу преподавательской деятельности и, замечу, что никогда у меня не возникало чувство сожаления. Осваиваю новый участок деятельности и вскоре в моей жизни наступает одно из самых долгожданных и приятнейших событий. Шестого сентября 1956 года появляется на свет мой первенец дочка Светлана. Этот день я вспоминаю и вспоминаю часто с уже взрослыми детьми и внуками.

Первый день рождения дочурки мы отмечали в нескольких ресторанах города до глубокой ночи. Беня (дядя), Али Исмаилов (его друг) и я произносили прекрасные тосты в честь дочурки, пока кто-то не догадался, что у нас есть «постоянное место жительства».

Шло время. У нас сложилась нормальная среднеобеспеченная семья, традиционно уважающая старших. Я уже освоил азы преподавания и, как отмечали проверяющие, на достаточно хорошем уровне преподаю студентам читаемые курсы.

Первоначально в техникуме были отделения, связанные с швейным производством (технология швейного производства, моделирование и конструирование одежды). Вскоре техникум преобразовался в политехнический

и появились другие специальности (строительство, металлообработка и другие).

Клара занималась вопросами открытия дома-музея в Долинске (курортный район Нальчика), где прожила последние годы жизни известная украинская писательница Марко Вовчок. С одобрения местных властей и при поддержке украинских видных писателей, в частности, племянника Марко Вовчок, усадьба была восстановлена с установлением памятника на могиле писательницы. В музее была размещена библиотека с большим количеством книг писательницы и других авторов. Это место стали постоянно посещать туристы, отдыхающие курорта и население города.

Дочурка росла и радовала нас и наших близких своими новыми забавными «открытиями». Я был назначен заведующим лабораторией «испытания материалов» и занимался комплектированием лаборатории оборудованием и измерительными приборами. Меня, конечно без моего желания, наделили и классным руководством. Я медленно, но уверенно переходил в число штатных преподавателей техникума. Прибавляется работа на вечернем и заочном отделениях, где я обучал рабочую молодёжь основам технических наук и учился у них по вопросам производственной жизни и управления.

Конец пятидесятих.

Данный период характеризуется для меня рядом значительных событий того времени. В 1958 году меня принимают кандидатом в члены КПСС (Коммунистической партии Советского Союза), а с марта 1959 года я — член КПСС, в рядах которой был впоследствии более тринадцати лет до июля 1990 года. Во времена перестройки партия практически перестала существовать и мы, без особого сожаления, оказались беспартийными членами нашего общества.

В эти же годы я становлюсь заместителем председателя профсоюзной организации и более активно вникаю в общественную жизнь коллектива. Мои «заслуги» вдруг были замечены областным советом профсоюзов и мне выделяют путёвку на отдых в Дом отдыха «Кверти», несмотря на то, что таких домов отдыха было огромное количество и в Нальчике. Никто не знает о Кверти кроме того, что это находится в Грузии. Я не был в Грузии и поэтому решил на эту поездку. Приехав в город Тбилиси, через справочное бюро курортного управления узнаю только то, что сведения о Кверти я получу в городе Чиатури (центр переработки марганцовых руд), так как это их ведомственная база отдыха. На грузотакси, которые в те годы были распространённым видом транспорта, добираюсь до Чиатури, а затем до посёлка Сачхери и узнаю, что до Кверти надо добираться ещё семь километров пешком или на осликах. Наконец, добрался и торжественно

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ ИЛИ МОЙ ТРУДОВОЙ ПУТЬ

вступаю в ряды отдыхающих. Красивый двухэтажный особняк в лесах центральной Грузии, на границе с Южной Осетией. Утром делаю «чрезвычайное» открытие: рядом с домом отдыха располагается не менее прекрасный буфет, где на полках красуются замечательные грузинские вина и где отдыхающие проводят основную часть своего времени, наслаждаясь вкусом прекрасно зажаренных «молочных» поросят и вина. Отдыхающие грузины говорят, что лучшие вина Грузии можно попробовать не здесь, а в посёлке Сачхери. Создаётся авторитетная экспедиция, которая отправляется на поиски лучших вин. Оказывается, прежде чем купить живительный напиток, надо попробовать имеющиеся сорта вин. Пишу только потому, что это очень часто вспоминается. Литровые кружки, изготовленные из дубового дерева, наполняются вином и нам предлагается снимать пробы. Мы обязаны принять предложение хозяина, чтобы не обидеть его. Разложив свежий лук, снятый с участка хозяина, вместе со свежим чесноком, сыром сулугуни, расположившись на могильных плитах 13 века, которые находились возле небольшой церквушки рядом с домом хозяина, мы приступаем к дегустации сортов вин.

Наконец, попробовав все сорта, совершаем сделку на покупку одного большого кувшина (десять литров) вина по цене один рубль за литр. Помню только то, что после многочисленных пожеланий хозяина мы отправились в путь длиною семь километров. Как и когда встретили нас те, которые хотели попробовать прекрасные вина Сачхери, я не знаю, да и не мог знать в связи с состоянием здоровья членов «экспедиции». Отдых в Грузии прошёл на должном уровне и запомнился надолго. Это была моя первая поездка в Советскую Грузию.

По возвращении домой, через очень короткое время забираю из роддома вторую мою дочурку. Крохотная,

◆ Борис 1971

миниатюрная малышка у меня на руках. Назвали её Тamarой, в честь близкой родственницы моего деда — Тимко.

В ожидании получения жилья живём на съёмных квартирах. По работе особых изменений нет, если не считать смену директора и преобразования техникума из технологического в политехнический.

◆ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ
ИЛИ МОЙ ТРУДОВОЙ ПУТЬ ◆

Сестра Таня и брат Вася

Борис Ашуров 1955 год

Поиски объекта для спортивного оборудования базы.

Кратко хочу вспомнить спортивную жизнь техникума тех лет. Благодаря прекрасным преподавателям физвоспитания, спортивная жизнь техникума была на очень высоком уровне в республике с первых дней его работы. Наши студенты всегда принимали самое активное участие во всех городских, республиканских, межведомственных соревнованиях и привозили различные призы, несмотря на то, что приличной своей спортивной базы не было.

Один из наших преподавателей физвоспитания Рамазанов М.Ю. был приглашён на работу в республиканскую спортивную организацию и возглавил общество «Спартак», членами которого были и все наши спортсмены. И вот, однажды, он предлагает нам отправиться на поиски места для строительства спортбазы «Спартак» на черноморском побережье и, естественно, также и техникуму. Предложение было с огромной благодарностью принято администрацией техникума. Для отправки в двухнедельную командировку формируется интернациональная команда: лакец Рамазанов М.Ю., кабардинец Нартоков А.М. и я — представитель великой еврейской нации. Шофёр автомашины РАФ был русский парень. Нам предстоит путь с первой остановкой в городе Краснодаре. Происходило всё это в начале шестидесятых годов прошлого столетия. Мы запаслись документами любого уровня от республиканских спортивных обществ до правительственных, с просьбой о выделении нам участка с правом аренды под строительство

спортивных баз. Сделав первую остановку в Краснодаре и переночевав в спорткомплексе стадиона «Кубань» (конечно, по большому «блату»), мы отправляемся по направлению к Крымску, где находится знаменитая фирма «Абрау — Дюрсо» по производству самых изысканных шампанских и других вин. Родная тётя Рамазанова работает на этом производстве заведующей лабораторией по контролю и проверке качества выпускаемой продукции. Не посетить это предприятие было сверх наших сил и возможностей. Рамазанова М.Ю. встречают с восторгом. Нам предлагают экскурсию по фирме с дегустацией вин. Экскурсия очень мне понравилась, где я узнал много интересного из области изготовления шампанских вин, способов их хранения и так далее. От дегустации мы отказываемся в связи с ограниченностью во времени, но не возражаем, когда наш РАФик загружается на дорогу, как принято у жителей Кавказа. Предстоит длинная и долгая дорога и мы отправляемся в путь. Минуя Геленжик, Туапсе, мы добираемся до Лазаревской, откуда мы начинаем решение наших вопросов. Договариваться с местными властями бесполезно, так как ни единого свободного квадратного метра нет, кроме купания в водах Чёрного моря. Что мы и делаем с чистой совестью, дегустируя все виды продукции «Абрау — Дюрсо», и ночью в прекрасных спальнях мешках, наполненных пухом гааги (прекрасной птицы), отдыхаем после трудового дня. Дальнейший путь на Сочи, Адлер — повторение предыдущего. Лишь после Гагры появились первые признаки того, что мы искали. Между Гудаути и Сухуми были прекрасные свободные участки с выходом на берег моря, но была очень большая проблема с питьевой водой. Все наши расчёты подтвердили, что подводка водных магистралей нецелесообразна. Побродив по побережью Абхазии, посетив живописные Ново —

Афонские пещеры с экзотическими ресторанами в пещерах (единственные в своём роде), мы добрались до Очамчира, не останавливаясь в Сухуми. Эпизод по поиску места для базы отдыха повторяется. Наш вояж по поискам заканчивается. Дальнейшие поиски были бесполезны. Переночевав на чайных плантациях Очамчира, направляемся в обратный путь, но через Тбилиси. Наш путь проходит через Сурамский перевал с заездами и остановками в Кутаиси и Гори. Запасы давно закончились и, налегке, добираемся до Тбилиси, где М.Рамазанов был «своим парнем». Два дня гостим у его друзей, сестры, которая кормила нас прекрасными блюдами (хинкали, хачапури и так далее) и самое главное, Рамазанов достаёт билеты на футбольный матч «Динамо» (Тбилиси) - «Динамо» (Киев), которые были самыми популярными командами того времени. Через двое суток покидаем город его студенческих лет и через «Крестовый перевал» добираемся до того места, откуда мы выехали, правда, без положительных результатов поставленной цели.

Это кавказское «кругосветное» путешествие я не могу забыть и сейчас. Поэтому решил поделиться со своими будущими читателями.

Приблизительно в эти же годы я, наконец, получаю прекрасную двухкомнатную квартиру в центре города.

А вскоре у нас произошло счастливое событие: моя любимая жена Клара подарила мне долгожданного наследника сына Леонида, который оказался единственным продолжателем моего рода (у всех моих братьев родились девочки). Это было в июле 1961 года.

Печальная полоса моей жизни.

Жизнь складывалась нормально. Вскоре меня назначили председателем предметно-цикловой комиссии общетехнических дисциплин. В комиссию входят девять преподавателей, лаборанты и заведующий учебно — производственными мастерскими. Утверждаем планы работы на каждый семестр, методические разработки по предметам цикла и, впервые, тестовые материалы для безмашинного программированного обучения (это было тогда новое направление). Обсуждали успеваемость студентов по предметам цикла, с вызовом неуспевающих.

Дети росли, радуя нас и наших старших своими достижениями. Но судьбой, видимо, была заказана печаль для моей семьи. Моя жена Клара заболела острым лейкозом и, несмотря на лечение, в 1962 — 1963 годах её болезнь продолжает прогрессировать. Она боролась за жизнь. Мы делали всё, что было возможно, для её спасения. По рекомендации отдела здравоохранения республики она лечилась и в экспериментальной клинике академика Блохина. Мы ездили в Москву несколько раз. Но в апреле 1964 года моей дорогой жены Клары не стало.

Это был самый мощный удар по моей уже сложившейся семейной жизни. В последние дни и месяцы этого тревожного для меня периода, было сказано очень многое, касающееся дальнейшей судьбы моей семьи. Всё сказанное нами предназначалось только нам. Считаю, что у меня есть право об этом не говорить, а сохранять в моей памяти.

Подобное состояние было у меня в те далёкие военные годы, когда я потерял свою маму. Природа повторила судьбу моего тяжёлого детства, оставив на моё мужское попечение троих детишек в возрасте от семи с половиной до двух с половиной лет. Скажу только то, что всё необходимое для сохранения наших детей, я сделал.

Одно время я был в состоянии глубокой депрессии. Иногда я находил успокоение после определённой дозы спиртного и утомительных прогулок по улице Ленина, пройдя пять-шесть километров под дождём. Да, именно под дождём. До сих пор не могу понять, почему именно под дождём.

Но надо было работать, надо было думать о каждом завтрашнем дне моих малышей. Это придавало мне силы и я жил и приходил в себя. Я часто слышал выражение из уст старших «всё от Бога» и задавался вопросом: «Скажите, кто может, где же этот Бог, который разрушает жизнь честных, преданных ему людей и стелет коверную дорожку негодьям, вора́м, проходимцам?». Ответа я не находил. В таком состоянии я прожил полтора года. Старшая дочурка Светлана уже помогала мне по хозяйству, когда я отсутствовал (ведь ей было уже восемь с лишним лет — совсем взрослая). И моя «молодёжь» пыталась ей помочь по силе возможностей. Особенно помогал сын, которому шёл уже четвёртый год.

Видя все прелести моей жизни, мои близкие решили изменить мою жизнь. Однажды, не поставив меня в известность, мой дядя Семён и брат Миша (память о них останется в моём сердце на всю оставшуюся жизнь) резко изменили мою жизнь и судьбу моих детишек. Им удалось пригласить в гости из Владикавказа прекрасную женщину, которая покорила прежде всего мою бабушку и моих детей, конечно и меня своим отношением к данной ситуации и любовью к детям. Это было в сентябре 1965 года,

когда Татьяна Бабаева, женщина из горного дагестанского города Буйнакса, имеющая педагогическое образование с дипломом педучилища по специальности «воспитатель детского сада», стала членом нашей семьи. В то время она работала в детском саду города Владикавказа. За жизнь и воспитание наших детей я был спокоен. С первых дней Татьяна и мои дети полюбили друг друга и она стала прекрасной матерью. Мы с Таней вырастили замечательных, любимых нами и любящих нас детей, которыми гордимся и будем гордиться всю жизнь.

Старшая наша дочь Светлана — воспитатель, музыкальный работник. Средняя наша Тамара — прекрасный врач. Младший сын Леонид — инженер-строитель. Все живут в Израиле. Они подарили нам замечательных внуков и внучек: Виолета, Лия, Владимир, Юрий, Нина, Шанеиль и моё имя - Борис..

Но вернусь к годам моих воспоминаний.

Спецпризыв по решению СВО *(Северо — Кавказский военный округ).*

Приближался к завершению 1965 год. На работе я «заразился» новым видом игр — КВН (клуб весёлых и находчивых), которые появились по инициативе Александра Маслякова. Как классный руководитель, я начал готовить группу. В актовом зале техникума планировались соревнования между группами. Приближался 1966 год. Девочки уже ходили в школу, а Лёня — в ведомственный садик швейной фабрики, где уже работала воспитателем и Таня. Таня с девочками подготовили ёлку, где активно помогал четырёхлетний сын. Впервые за последние три года мы активно встретили Новый год. Жизнь входила в своё русло. Таня обшивала детей модными платьями и пальтишками со знанием швейных секретов, а я продолжал «мудрить» в техникуме. И вот совершенно неожиданно для всех нас я получаю повестку из военкомата и узнаю, что формируется спецбатальон, по приказу для выполнения особого задания с привлечением офицеров запаса по ВУС-173 (автомобильные части). Куда, на сколько? Ответа нет. Известно только то, что рабочее место сохраняется с полной оплатой, независимо от времени пребывания на сборах. В спешном порядке меня провожает семья и я вскоре оказался в сорока километрах от города Грозного, в районном центре Чечено- Ингушской республики — Самашки. Здесь и формировали автомобильный спецбатальон на базе Грозненского военного дивизиона. Командный состав состоял из профессиональных военных

бор...
(командир батальона — полковник Шиганов Н.Д. и члены военно-полевого штаба). Все остальные структурные подразделения были из офицеры запаса (Нальчика, Пятигорска). Из запасников состоял и весь обслуживающий персонал: повара, обувщики и так далее. Мне и другим офицерам моего ранга приказано формирование взводов из числа новобранцев, прошедших курсы по вождению автотранспорта в автошколах по месту жительства. Мой взвод формируется из призывников Калмыкии и Дагестана. Получаю автомашины марки ГАЗ-51 и ГАЗ-53 (в те годы это были очень престижные грузовые автомашины). После закрепления водительского состава за автомашинами, в течение одного месяца идёт процесс обучения. Уже в этот период сталкиваюсь с авариями и другими приключениями. Через месяц батальон отправляется в путь на восемь весьма непростых месяцев. Прибываем в Новоанинский район Волгоградской области. Полевые палатки для жилья, полевые разметки для автомашин, вместо гаражей. Выполняем задание - перевозка зерна из нашего места пребывания в город Калач (Воронежская область). Калач являлся одним из крупных центров по сбору и переработке зерна. Всё проходило нормально, пока один из моих водителей не столкнулся с молоковозом на трассе. Оказавшись из этих мест, он заехал в свою станицу и, «набравшись» самогонки из свеклы, отправился в обратный путь. Цена аварии была такая, что части автомашины собирали в 60-70 метрах от места аварии. Он остался жив, а меня «дёргали» вплоть до Ростова, где располагался Северо-Кавказский военный округ. До конца сборов меня держали в состоянии особого напряжения. Но жизнь - есть жизнь. Иногда мы имели и выходные дни. В часы небольшого отдыха ловили окунят в озере, готовили уху и отдыхали по своему усмотрению. Но вскоре получили приказ о

приключения одной жизни
или мой трудовой путь
передислокации нашей части в Омск, а затем в Казахстан. Бессонные ночи погрузки всей техники на железнодорожные платформы, их крепление и мы отправляемся в путь на север. Нашему грузопассажирскому составу давали «зелёный» свет и мы двигались без остановок в течение трёх суток, имея на завтраки, обеды и ужины только рыбные консервы, горох в банках, хлеб, чай. Омск встретил нас холодами и снежными метелями по ночам, несмотря на то, что до зимнего времени было ещё далеко. Поэтому, разгрузка оборудования была ещё сложнее, чем погрузка. Затем мы попали туда, куда и должны были прибыть — Джартальгурской район Казахстана (овцесовхоз). После нескольких суток пути это был настоящий рай. Крупный посёлок, где жители, в основном, высланные из Поволжья и Северного Кавказа немцы.

Офицеров разместили в частные дома — на поселение. Удивляла меня чистота и порядок в этих домиках, где жили немцы, но какой-либо доброжелательности и уважения к нам не было. За посёлком — бескрайняя степь. На некоторых участках встречались отдельно растущие деревья с огромным количеством «красивых» комаров, с которыми мы не имеем особого желания встречаться во время редких выездов на отдых. Мы работали здесь почти месяц, в основном, на заготовке кормов. В воскресные дни население «активно» отдыхало до самого вечера за празднично убранными столами с избытком различных напитков. Больше половины населения после трапезы, к вечеру, лежали вдоль заборов и продолжали «отдыхать», но уже в глубоком сне. Во избежание несчастных случаев я запрещал движение автотранспорта по этим «заповедным» местам. Отчёты мы возили каждый день в районный центр Черлак, где располагался штаб батальона. Расстояние

40-50 километров, но поездки, особенно в ночное время были очень неприятными. Где-то дорога проваливалась из-за солончаковых почв, а иногда просто терялась в темноте. Однажды мы выехали на другую степную дорогу, ориентируясь на дальний свет, и оказались в окрестностях Новосибирской области. Ночные миражи здесь явление обычное. В это время я был назначен командиром роты вместо бывшего по случаю «пьянки» капитана. Непредвиденных работ в роте было очень много. Иногда получали приглашения от главных лиц хозяйства, особенно после выявления мною некоторых махинаций с продуктами, предназначенными роте. Помню приглашение главного инженера на беш-бармак. Я с несколькими офицерами роты поехали в гости, прихватив подарки и два ящика спиртных напитков. Вся прелесть этого мероприятия заключалась в том, что барана можно было резать только после захода солнца (в этих краях такой обычай), а заход солнца наблюдался в десять часов вечера. Нет сил описывать эту длинную процедуру приготовления этого национального блюда.

Мы, немного проголодавшиеся, принялись за трапезу за два-три часа до рассвета (рассвет наступал здесь в 3-3.30 часа).

Своеобразный способ употребления водки (в гранённых стаканах в равных пропорциях была налита водка с мёдом) сделал своё дело: все сидели на полу (ковры) и вставать было куда сложнее, чем совершить любой подвиг.

Дальнейший наш путь — Уральские города и районы. Из Казахстана мы поехали своим ходом и, вскоре, оказались в Челябинске. Наша основная работа — перевозка грузов в упакованных ящиках в город Миасс. Что в ящиках, нам не говорили, но мы догадывались. Дистанция между автомашинами должна была быть не менее 50 метров, а

это значило, что мы везли опасный груз. Мы почти два месяца двигались вдоль реки Миасс по просёлочной дороге, проложенной в лесополосе, видели только ограждения из колючей проволоки. Мы проезжали по территории зоны «Маяк», где в 1954 году произошёл взрыв подземного атомного предприятия. Об этом, конечно, надо было молчать, но огромнейшие деревья, крысы, перебегающие дорогу, размерами не менее домашних кошек, говорили о результатах воздействия радиации в этих краях. В таких условиях мы доставляли грузы к месту назначения, то есть, выполняли приказ, пока нас не перебросили в Оренбургскую область. Базировались в поселениях около реки Урал, где, по преданию, утонул известный командарм Чапаев В.М. Население этих краёв состояло из потомков ссыльных в разные годы. Жёсткие нравы, грубоватые мужчины и женщины, но подлости в их действиях я не замечал. В свободное время они приглашали меня и моих коллег на рыбалку. На берегу Урала у всех были лодки и прекрасные сети под калиброванную рыбу (мелкая рыбы в сетях не удерживалась). Из этих мест мы перевозили зерно в Оренбург, где были размещены огромные зернохранилища (элеваторы), подобно которым я не встречал нигде. Путь длиной девяносто километров мы преодолевали не менее двух раз в день. По дороге встречались с кадровыми военными частями, которые выполняли ту же работу. Однажды они сообщили нам тревожные вести о переброске всех, работающих на этом участке, в район острова Даманский (китайская граница), где, годами раньше, китайцы погибли тысячами при попытке захвата острова. Но, как говорят, Бог помиловал, мы попали в Башкирию (Сибай). Это был уже завершающий этап нашего путешествия по родной стране. Шёл октябрь месяц и в этих краях лежал прекрасный снег. На этом заключительном

этапе мы были связаны с городом Магнитогорском. Город разделён рекой на две части. В старом городе огромные металлургические заводы, где белый снег всегда был покрыт чёрной копотью от дымящихся труб. Новый город — чистые, красивые постройки, красивый театр, магазины. Наконец, нам объявили об окончании всех видов работ и демобилизации. Поставленные командованием задачи были выполнены. Ждали покупателей нашей техники. Вся техника моей роты досталась представителям города Новосибирска. Передав всю технику, получили команду на отъезд. Из города Уфа, уже в приличных купейных вагонах, отправляемся в обратный путь. Через несколько дней приехали в Грозный и передали личный состав различным войсковым подразделениям Союза. Моя рота поехала в город Ереван для дальнейшего прохождения срочной службы, а я поехал в Нальчик.

Перед отъездом я получил заманчивое предложение остаться в действующих частях Грозненского дивизиона в должности заместителя командира батальона по технической части (майорская должность) с достаточно быстрым продвижением по служебной лестнице. В войсковых частях специалистов с высшим образованием автомобильного профиля было очень мало. Но гордо отказавшись, в конце октября я оказался у себя дома, в объятиях своей семьи. В апреле 1967 года приказом Северо-Кавказского военного округа мне присвоили звание старший инженер — лейтенант, а 1973 году — капитан-инженер. На этом заканчивается моя деятельность как офицера запаса.

Семидесятые годы.

В конце шестидесятых годов техникум переходит в подчинение Министерства приборостроения СССР. В связи с этим событием резко меняются профили специализации молодых подготавливаемых специалистов.

Открываются такие отделения, как «автоматика и телемеханика», «электроприборостроение» и другие. Подготовка специалистов по швейной деревообрабатывающей отрасли прекращается. Предприятия «Севкавэлектроприбор», «Телемеханика» становятся нашими базовыми, как входящие в состав Министерства приборостроения СССР.

Меняется частично и профиль моей педагогической деятельности. Я преподаю по курсу «Детали и механизмы электроизмерительных приборов» и другие предметы, связанные с приборостроением. Направление развития технического творчества студентов, с которыми я занимался все последние годы, резко улучшается, как и весь процесс обучения. На выставках технического творчества среди учебных заведений Минприбора мы в первых рядах, оставив позади Москву, Ленинград и другие престижные города.

В 1970 году приказом министра Руднева Н.И., меня награждают знаком «отличник приборостроения СССР», а в 1973 году предлагают переход на административную должность — заведующий дневным отделением. На этой должности я проработал двенадцать лет (до 1985 года).

Это был очень сложный участок работы. Контингент обучающихся был из городов Ставропольского края, Дагестана и Северной Осетии, кроме местных жителей. Многие были из сельских местностей и плохо владели русским языком, на котором велось преподавание. Преподаваемые мною предметы, как сопротивление материалов, детали и механизмы измерительных приборов и другие, для них были что-то из области сверхъестественного. Дополнительные занятия, контакты с родителями, посещение и анализ уроков преподавателей отделения на педагогических советах отнимали очень много времени. Кроме этого, я работал на заочном и вечернем отделениях. Для дома, для общения с семьёй почти не было времени.

В 1973 году пришлось поехать на месячные курсы повышения квалификации заведующих отделениями в Тульский политехнический институт. Занятия проводились по программе министерства образования.

Недалеко от Тулы находилась усадьба великого русского писателя Л.Н. Толстого. Не посетить Ясную Поляну было грешно и я поехал в воскресный день. Усадьба, дом-музей писателя произвели на меня сильное впечатление, особенно могила писателя, без какого-либо памятника, кроме надгробного креста. Таково было завещание писателя. Неоднократно выезжал в Москву. Месяц пролетел и, сдав все положенные экзамены и зачёты, получив удостоверение, я вернулся на работу. В этот период все учебные заведения привлекали на сельскохозяйственные работы. Нас закрепили за винсовхозом «Россия», находящегося в пятидесяти километрах от Нальчика. Одиннадцать последующих лет я был руководителем от техникума, где работали более трёхсот наших студентов каждый год. Направляли нас на эти работы по распоряжению обкома партии.

Так и прошли эти семидесятые годы, как один день. Всё время были связаны с базовыми заводами. Многие наши выпускники уже были на руководящих должностях, часто навещали техникум и помогали по всем вопросам практического обучения. Учебно-производственные мастерские техникума выпускали товарную продукцию завода «Севкавэлектроприбор», которые шли на экспорт в страны Латинской Америки и Африканские государства. В эти же годы мы, единственное учебное заведение среднего звена на Северном Кавказе, начали подготовку специалистов по профилю производства полупроводниковых приборов для построенного в Нальчике и вступившего в строй завода «Полупроводниковых приборов».

Этот был прекрасный завод — гигант по меркам Северного Кавказа, который кооперировал свою работу с двадцатью государствами и союзными республиками. В годы развала Союза (1991-1993), он был разграблен и практически не функционировал. В моей семейной жизни также произошли некоторые изменения. Прежде всего то, что у меня появилась первая моя внучка Виолочка. По возможности, мы начали выезжать с семьёй на отдых, чаще всего на пляжи Каспия — Махачкалы, Манаса, базы отдыха завода «Телемеханика».

В 1978 году я снова оказался на ФПК при Московском автодорожном институте. Обучение подходило к концу, когда я получил телеграмму о том, что отец тяжело болен. Срочный вылет, но его уже не было в живых...

Это было 10 января 1978 года.

Перемещение по должности.

Приказом отдела кадров и учебных заведений Минприбора СССР, в 1985 году я был назначен заместителем директора техникума по учебно- производственной работе. Утверждали на эту должность в Минприборе СССР (Москва). Огромный кабинет начальника отдела управления кадров. В торце стола сидит крупный мужчина с лысой головой, негласно прозванный фантомасом (из модного французского сериала) — Ширко Владимир Ильич. Начальник и члены его управления задавали вопросы, иногда и не касающиеся служебной деятельности. Я отвечаю, ориентируясь по обстоятельствам, иногда включая и прелести Кавказа, самобытность его жителей и так далее. Общий язык найден и мне вручают удостоверение за подписью замминистра, дающее право свободного посещения всех предприятий Минприбора и отделов Министерства (сейчас храню на память). Возвращаюсь в Нальчик с огромным желанием кардинальных изменений работы на данном участке. По должностной инструкции, которую я составил с одобрения директора, занимаюсь всеми вопросами производственного обучения (учебная, технологическая, преддипломные практики), оснащением кабинетов, лаборатории, учебно — производственных мастерских измерительными приборами и оборудованием. С заводами налажены прекрасные отношения и все виды практик, кроме учебной, проходят на предприятиях Телемеханика, Севкавэлектр прибор, Электровакуумный

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ
ИЛИ МОЙ ТРУДОВОЙ ПУТЬ

завод. Часть студентов, если есть условия прохождения практики, направляю по месту жительства студентов. Назначаю руководителей практики от техникума и строго контролирую их деятельность. С помощью руководителей наших заводов, с которыми я был в прекрасных отношениях, впервые в техникуме создаю крупный центр программированного обучения и классы, снабжённые компьютерной техникой, получаемые по заявкам министерства и непосредственно завода. Появляются в кабинетах ходовые тогда IBM, PENTIUM -3, PENTIUM -4 и другая техника, которая была заменена позже на более современное оборудование. Были введены системы автоматизированного управления во многих подразделениях техникума. Важным моментом является то, что по инициативе заведующим методическим кабинетом Минприбора организуются семинары для заместителей директоров подведомственных учебных заведений по обмену опытом работы. Семинары проводились ежегодно в техникумах и колледжах Министерства приборостроения и были очень полезными. Первый день очень плотно работали, а второй день экскурсионный. Знакомились с лабораториями и кабинетами учебного заведения, достопримечательностями города и, естественно, прощальный ужин. Первые такие семинары проходили в Москве, Ленинграде, Киеве, Пензе. В этих городах я бывал и ранее, поэтому наиболее интересные места, на мой взгляд, я посетил в начале девяностых годов.

Ежегодные методические совещания продолжались вплоть до перехода техникума в другое ведомство — Миноборомпром СССР (1994 год). Особенно запомнились встречи во Львове, Кишинёве и в Нальчике. Первые дни работали, как и раньше, очень напряжённо. Вторые дни экскурсионные, встречи, отдых в этих городах были

организованы на очень высоком уровне. Львов покорила меня своей красотой, прекрасным театром, католическими костёлами и, как ни странно, архитектурными памятниками на кладбище — часовня, где покоится прах сына великого русского поэта А.С. Пушкина, похороненного во времена русско — турецкой войны. Он был генералом русской армии.

На постаменте вижу памятник из белого мрамора. Лежит молодая женщина, покрытая белой простынёй с чуть-чуть открытыми пальцами ног и одной опущенной косой вдоль постамента. Когда читаешь дату, удивлению и восхищению нет предела. Памятник стоит более ста лет без единой царапинки.

Второй пример — могила еврейского юноши. Внутри ограды, состоящей из мощных цепных звеньев, стоит парень. Памятник выполнен двухцветным — чёрная половина и белая половина. Правая рука (белая) держит раскрытую книгу с шестиконечной звездой, левая (чёрная) — гранату.

Третий пример — на плахе тело полковника, а над головой поднят топор, с лезвия которого каплют капли крови.

Запомнились тайные подземные ходы между женскими и мужскими монастырями недалеко от красивого памятника Мицкевичу, проложенные польскими обитателями этих монастырей.

В Кишинёве прощальный ужин проходит в ресторане «Интурист». Нам предлагают попробовать молдавские национальные блюда с замечательными молдавскими винами и коньяками. Однако, мы с нетерпением ждём очень популярную в те годы певицу Надежду Чепрагу.

Но на небольшой эстрадной сценке ресторана появляется старенький, но аристократически одетый еврей со скрипкой в руках. Его прекрасные руки водят смычок так, что сердце

рыдает, вместе с его скрипкой. Мелодии молдавские и еврейские звучат так, что появление певицы Надежды Чепраги замечаем с трудом. По тем временам слушать такие еврейские мелодии было каким-то чудом. Это великолепие красоты музыки невозможно забыть.

После Риги, с посещением Юрмалы, купанием в водах Балтики, несмотря на двадцатиградусную температуру воды, мои коллеги добрались и до Нальчика. Это было уже накануне развала Союза. Наше руководство подготовилось не хуже, а я думаю, даже лучше других. Кавказское гостеприимство сыграло свою роль. В первый день, как обычно, плотно поработали в техникуме. Выполняя намеченный план, я везу гостей на Голубые озёра, далее пешком в Черекское ущелье. Полил сильный ливень, многие вынуждены были отправиться в обратный путь, к стоящему автобусу. Те, которые дошли до второго туннеля и увидели сверху прелести этого края и протекающую с шумным журчанием реку Черек, запомнили всё это на долгие годы. Сверху Черек смотрелся, как небольшая речушка, окружённая склонами с великолепным лесным массивом.

По возвращении, уже в тёмное время, нас ждали прекрасные шашлыки на больших шампурах, грузинские марочные вина на даче нашего товарища, тренера и судьи международного класса по боксу Петра Метревели. Развозили моих гостей к утру, а через несколько часов все были в самолёте, готовые к отлёту.

В начале девяностых годов образовалось Министерство экономического развития, в состав которого включили и Минприбор СССР. Учебные заведения Минприбора раскидали по другим министерствам. Мы попали в Миноборомпром, а вскоре распался и великий Советский Союз. С распадом Союза рухнула и вся система обучения. Наши базовые предприятия были

на грани полного разорения. Выпускаемая продукция, которая координировалась с Союзными республиками и зарубежными фирмами, исчезла. Предприятия, которые изготавливали приборы управления космическими ракетами, перешли на ширпотреб, а некоторые дошли до полного разорения.

О базах прохождения практик оставалось только мечтать. Распределение молодых специалистов, как было ранее, уже отсутствовало. Мы вручали выпускникам дипломы и отпускали туда, куда хотел каждый из них.

Директор техникума болел и мне приходилось часто летать в Миноборомпром для решения и согласования многих вопросов.

Этот период работы характеризуется для меня ещё и тем, что я получаю медаль «Ветеран труда» и в 1994 году, указом президента Кабардино-Балкарской республики, звание заслуженного работника народного образования республики, что поднимает и уровень моего материального положения, увеличения на пятнадцать процентов пенсионной оплаты, должностного оклада, стоимости часовой оплаты преподаваемых предметов.

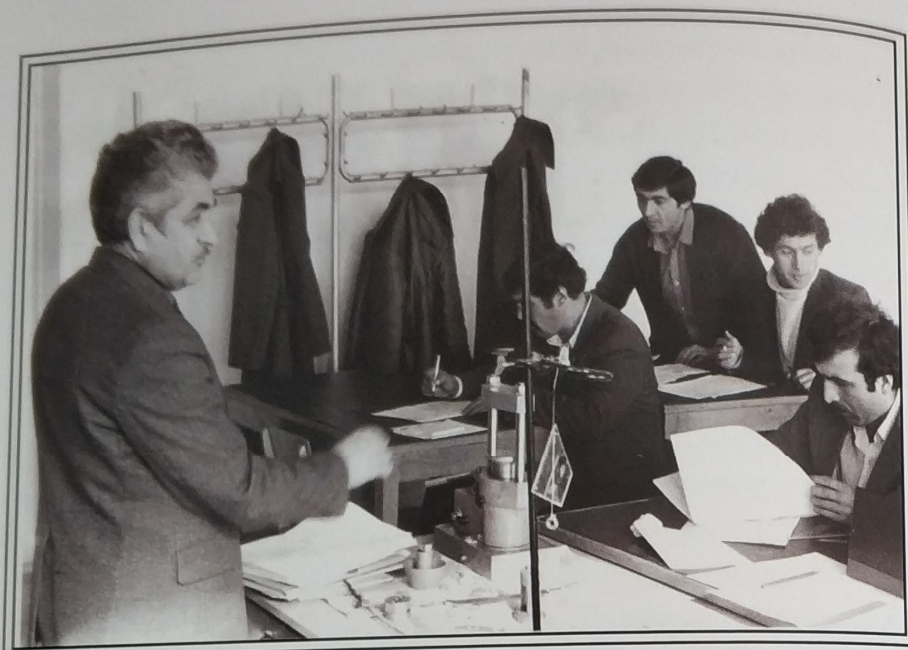
Но этот период характеризуется и тем, что идеи «ваххабизма» глубоко пускают корни и в самую благополучную и спокойную республику Кабардино-Балкарию. Во всё всеуслышание говорят о создании Кавказского мусульманского региона от Каспия до берегов Чёрного моря.

В таких Северо-Кавказских республиках, как Дагестан, Чечено-Ингушетия (Грозный) начались военные действия с большим числом человеческих жертв. Неограниченное финансирование этих акций, направление в эти регионы арабских боевиков стали ежедневной задачей арабских террористических лидеров в странах Ближнего Востока.

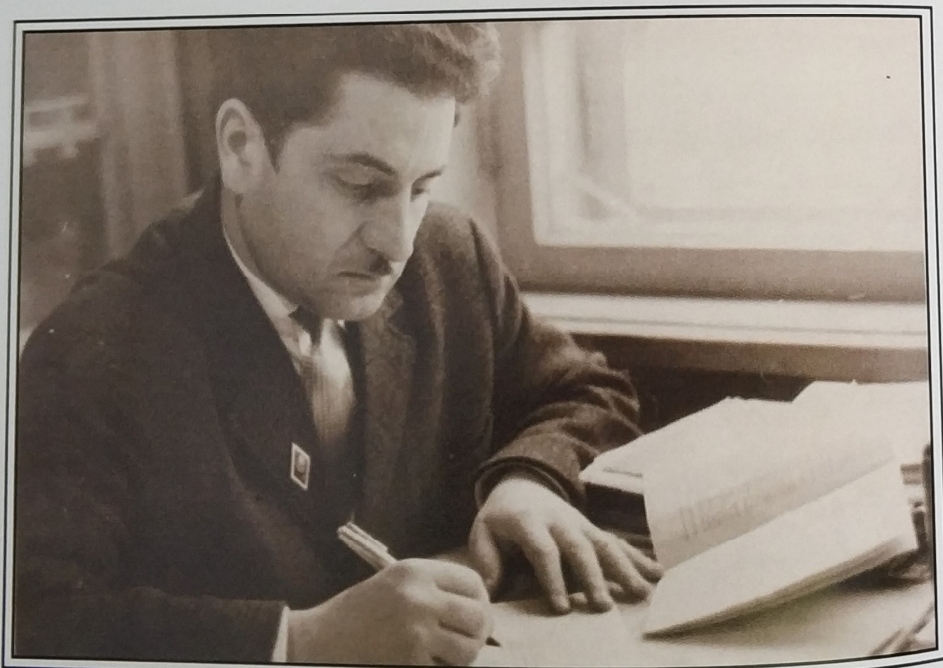
В Кабардино-Балкарии, как и в других республиках, усиленно и целенаправленно подготавливали молодёжь в мечетях для ведения этой «священной» войны. Некогда дружелюбные земляки-мусульмане теперь считали честью стать «шахидом», то есть, убийцей. Преследование горских евреев, которого никогда не было в наших краях, достигло предела. Люди начали покидать родные места, где родились их предки, уезжая кто куда. Израиль, США, Канада, Австралия и даже принесящая нам огромное горе Германия — стали объектами их переселения. «Исход» из родных мест достиг предела в середине девяностых годов.

В их числе оказались и моя семья, и близкие мне люди. Мои дети репатриировались в Израиль. Сестра Татьяна со своей семьёй и брат Василий оказались в США, а брат Иосиф поехал в Германию.

Я с женой оказались в полном одиночестве. Общение было только с единственным, ещё проживающим в Нальчике, братом Михаилом. Из моего общения исчезали один за другим близкие мне люди. Как в такой ситуации можно было жить и работать, описать нет возможности. Но ещё оставшиеся в Нальчике семьи старались жить. Я по-прежнему работал в техникуме в той же должности. В эти годы Кабардино-Балкарский Госуниверситет проводит огромную работу по созданию единого учебно-производственного комплекса в составе КБГУ.

На уроке

За работой

На собрании

Днепропетровск. 1988 год.
Выставка технического творчества Минприбора — беседа с
заместителем министра приборостроения.

Курорт Нальчик

Переход техникума в структуру КБГУ.

В 1997 году правительство Кабардино-Балкарской республики и ректорат КБГУ добились через Министерство высшего и среднего образования России перевод всех средних учебных заведений республики из ведомственных подчинений в Министерство Высшего и Среднего образования, куда входит и КБГУ. Создаётся мощный учебный комплекс с семью средними учебными заведениями в составе КБГУ. Техникум преобразуют в колледж с двухступенчатой системой обучения (первая ступень — техник, вторая — младший инженер). Для получения более высокой степени успешно окончившие колледжи, автоматически, направляются в КБГУ. Я занимаюсь оснащением лаборатории и кабинетов самой передовой техникой того времени, полностью обновляю компьютерные классы, работая совместно с соответствующими отделами КБГУ. Пятьдесят — шестьдесят процентов преподаваемых предметов переводится на программное обучение. По всем этим вопросам очень часто мне приходится ездить в такие города, как Москва, Рига, Минск, Витебск, с которыми у нас были заключены договора. Но, несмотря на ряд положительных аспектов, колледж теряет самостоятельность. Даже самые незначительные проблемные вопросы, которые мы всегда решали сами, приходится согласовывать с ректоратом КБГУ, особенно финансовые.

Незаметно, скучая по детям и внукам, я подхожу к семидесятилетней юбилейной дате. Вначале в домашней обстановке, а затем и на работе собираются близкие родственники, друзья и коллеги по работе. Но тяга встретиться с детьми не покидает меня и Татьяну.

Я решил закруглить свою трудовую деятельность, проработав ещё тринадцать лет после ухода на пенсию, несмотря на неоднократные просьбы ректората поработать хотя бы ещё год.

Отъезд в государство Израиль.

Началась наша кропотливая подготовка к отъезду. Без особых сложностей прошла встреча с представителем консульства Израиля в городе Пятигорске, так как вся моя семья уже давно жила в Израиле (1994 год). Получаем визы на пмж в Израиле. Это было в конце 2004 года. До этого, в 1997 году, я был в Израиле по гостевой, которую прислали мне мои дети. Поэтому некоторое представление я имел о быте, жизни в этом государстве. Детьми были организованы мне экскурсии по некоторым городам севера и юга страны, вплоть до Эйлата. Племянники жены показали мне все достопримечательности Хайфы и так далее. Но всё это было не пмж, поэтому, конечно, чувство напряжённости не покидало нас.

Восемнадцатого ноября 2004 года я увольняюсь с работы. Прекрасные проводы коллективом, тёплые слова и пожелания, я помню всегда и, видимо, буду помнить ещё долго.

Мы готовы к отъезду, багаж отправлен и, за три дня до вылета, прилетает сын и забирает своих родителей в то государство, о котором мечтали мои предки всю свою жизнь.

Тринадцатого января 2005 года из аэропорта Бен-Гурион сын привозит нас прямо на торжество, посвящённое тридцатилетию моей старшей внучки — Виолы, где мы попали в объятия наших близких и родных людей. Начался отсчёт нашей жизни в Израиле.

Моя жизнь в Израиле.

Израиль встретил нас прекрасным солнечным днём после заснеженной и морозной погоды в Минеральных Водах, откуда мы вылетели самолётом. С местом жительства мы определились уже давно — город Ашкелон, с его красивыми проспектами со стройно растущими пальмами, чистым воздухом, как у нас на Кавказе, с прекрасным пляжем, который мне понравился ещё с первого приезда. Я и тогда одобрил выбор моих детей. В отличие от мест нашего исхода, здесь я встретил прекрасное медицинское обслуживание, очень качественные продукты сельского хозяйства, невиданные мною до этого сорта цитрусовых. Не слышу слова «жиды», которое всё чаще повторялось в тех регионах, откуда я прибыл. Дети подготовили съёмную квартиру в очень удобном районе города и мы обзавелись всем тем необходимым, что оставили там, и начали свою жизнь в Израиле. Как все пожилые люди, получаем минимальную финансовую поддержку в виде пособия. Но самое главное, это то, что мы живём со своими детьми, внуками и близкими нам людьми. Это и есть та радость, о чём мечтает любой человек моего возраста.

Жизнь в Израиле, на мой взгляд, была бы ещё прекраснее, если бы там, «наверху» перестали бороться и драться за «портфели» и благополучие отдельно взятых партий, а думали о своих избирателях. Ведь мне совершенно безразлично - «левые» они или «правые». Во главе многих государственных структур стоят совершенно неграмотные в

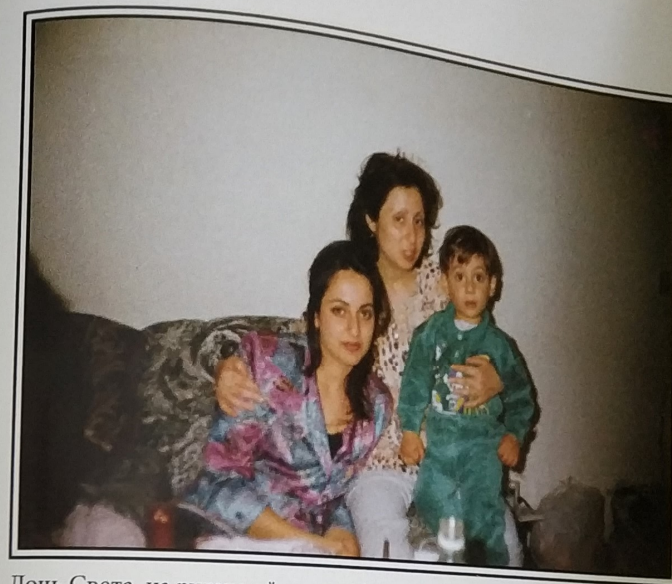
...ОДНОЙ ЖИЗНИ
ИЛИ МОЙ ТРУДОВОЙ ПУТЬ
соответствующих отраслях люди. А ведь я всегда считал, что
евреи — самый умный народ. Где это всё? Этим небольшим
отступлением я хочу закончить своё повествование.

Сестра Таня, слева муж Сергей, справа брат Василий

Брат Василий, его жена Лиза, сестра Таня, Габо Дигилов с женой. США 2002.

Дочь Света, на руках мой правнук Исайчик, внучка Виолетта

слева Галя Симахова, Татьяна, Света — сестра Татьяны, Света — наша дочь

Я с Татьяной

Света (сестра Татьяны) и Татьяна

Вместо заключения.

Я прошёл весь свой трудовой путь в многонациональной стране, в республике, где жили, учились, трудились люди разных национальностей, несмотря на то, что Россия считалась и считается страной русского народа. В своей трудовой деятельности я всегда придерживался принципа толерантности и был уважаем людьми разных сословий и национальностей. Десятки тысяч моих выпускников за почти пятидесятилетнюю педагогическую деятельность принимали меня, как самого близкого человека, не думая о том, какой я национальности. Я был бы горд, если к моему младшему поколению было такое же отношение в жизни.

Я ненавижу, да и сейчас презираю ложь, подлость, лицемерие, жадность, жестокость. Откровенность, честность, правдивость — это есть сейчас и остаётся основным принципом моей жизни.

Моя биография — это биография одной жизни, может быть, ничем не примечательной, маленькой частицы жизни огромной планеты. Эта жизнь прожита неисчерпаемой любовью к людям, которые меня окружали и окружают.

Описывая пройденный мною путь, я вспоминал и некоторых других лиц, с кем был тесно связан в той, прошедшей, и в настоящей жизни. Нигде я не менял фамилии, имени и оставляю моему растущему поколению документальное повествование.

А всем живым желаю здравствовать и прожить в благополучии сто двадцать лет, а ушедшим в иной мир —

Содержание

Вместо предисловия	5
Краткое генеалогическое древо моего рода	6
Детство, юность	13
Оккупация	15
Школьные годы	22
Студенческие годы	26
Первые годы работы в автохозяйстве	38
Начальный период работы в техникуме	40
Конец пятидесятых	42
Поиски объекта для спортивного оборудования базы	47
Печальная полоса моей жизни	50
Спецпризыв по решению СВО	52
Семидесятые годы	59
Перемещение по должности	62
Переход техникума в структуру КБГУ	71
Отъезд в государство Израиль	73
Моя жизнь в Израиле	74
Вместо заключения	79

Приключения одной жизни

или

Мой трудовой путь

Моя биография — это биография одной жизни, может быть, ничем не примечательной, маленькой частицы жизнью огромной планеты. Эта жизнь прожита неисчерпаемой любовью к людям, которые меня окружали и окружают.

Борис Ашуров
ветеран труда, отличник приборостроения
СССР, заслуженный работник народного
образования.